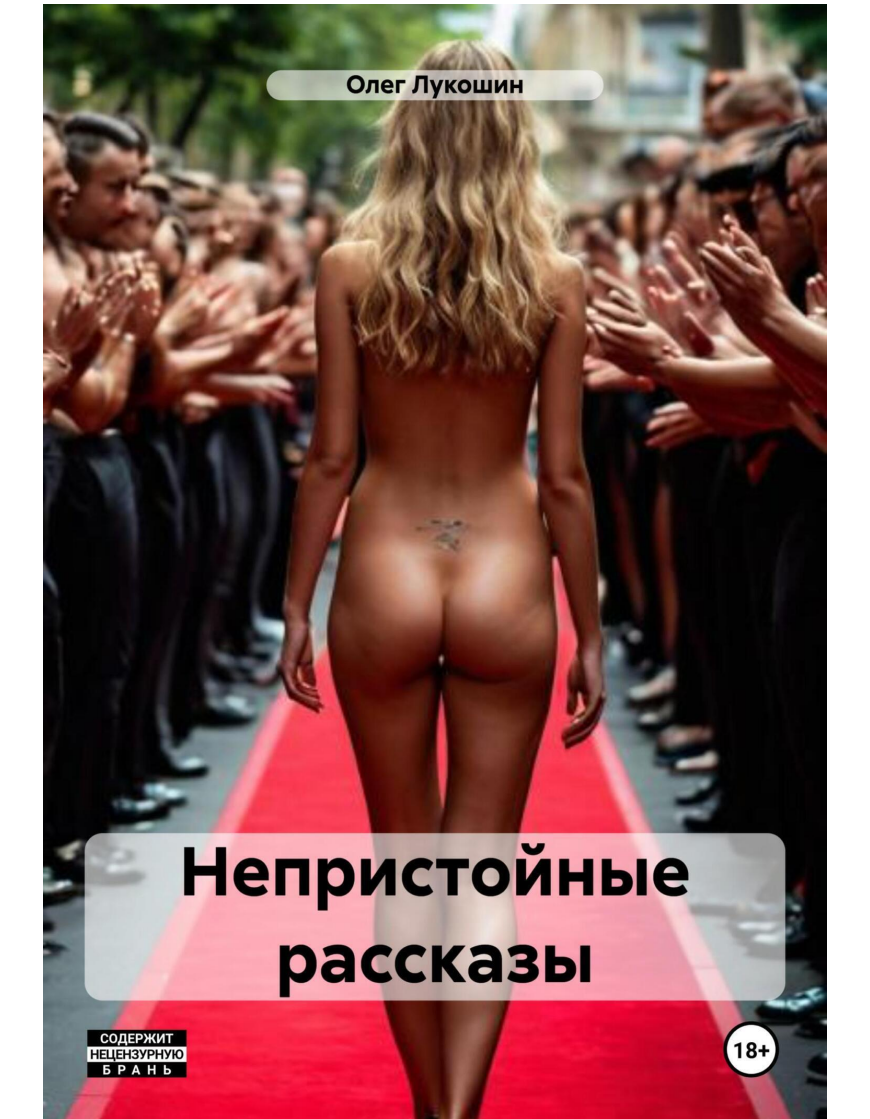

Олег Лукошин

Непристойные рассказы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Лукошин

Непристойные рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71769541

SelfPub; 2025

Аннотация

Эту книгу вы постесняетесь рекомендовать знакомым и близким. Она шокирует вас и заставит стыдиться собственных мыслей и эмоций. Кого-то она приведёт в ярость. Это сумасшедшие, дерзкие и воистину непристойные рассказы.

Содержание

Жареные негры с кетчупом	4
Иди на «Астру»	10
Короткий рассказ о сексе	26
Красивая история любви с печальным концом	28
Моя подруга	32
Мясо	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Олег Лукошин

Непристойные рассказы

Жареные негры с кетчупом

Анжеле восемнадцать. Она негритянка. Точнее, афро-русская. Её называли в честь борца за права чернокожих Анжелы Дэвис. Мы познакомились в Адлере и продолжили встречаться в Москве. Я лижу её вишнёвую промежность и пребываю в самом жизнерадостном расположении духа. Скоро мы поженимся, и я стану членом великого чёрного братства.

– Чёрные тела бесподобны! – говорю я, отстраняясь. – Лишь чёрных Господь Бог наделил истинной красотой.

– Среди чёрных немало и уродцев, – отвечает Анжела. – А чёрные женщины часто страдают ожирением.

– Это белая пропаганда, – разъясняю я ей. – Белые нацистские организации контролируют массмедиа и внушают обывателям страх и отвращение к чёрным. Вот ты – стройная и красивая.

– Но я чёрная лишь наполовину.

Я обожаю чёрных. И проклиная себя за то, что родился белым. Белые – слабые люди. Они заносчивы и высокомерны, но высокомерие их строится лишь на дешёвых иллюзи-

ях о собственном уме и культуре. Их время сочтено. Участь белого человека, о которой вопил Киплинг, очень проста – исчезнуть.

– Выброси это из своей красивой головки, – треплю я её по кудрявым волосам. – Пропаганда влияет и на тебя. Ты стесняешься своего чёрного отца, а должна им гордиться.

– Но я ни разу не видела его. Ещё до моего рождения он свалил в свою Анголу.

– Уверен, что он был вынужден сделать это. Не оставаться же ему в расистской России?

– Зато уровень преступности среди чёрных значительно выше, – говорит Анжела.

– Преступность чёрных – это месть за столетия унижений. Белая шваль должна ответить за все те зверства, которые она творила над африканцами.

Мы неторопливо одеваемся. Я ставлю в музыкальный центр диск, купленный утром в подземном переходе.

– Представляешь, – говорю я. – Даже не ожидал такую удачу. Ранее не издававшиеся композиции Тупака! Иду, вижу – лежит. Блин, думаю, в каком-то подземном переходе – и такой раритет! Как тебе?

– Ну, ничё... – отвечает Анжела. – А может лучше финских металлистов послушаем? Мне подарили новый альбом Sonata Arctica.

– Какие металлисты, о чём ты говоришь!? – возмущаюсь я. – Ты зацени вот это. Слышишь: йоу, йоу!.. Гениально!

Я слушаю только рэп и рэггей. Никакого металла – это извращение белых нацистов. Они постоянно окружают тебя. Даже Анжеле внушили, что это достойная музыка. Бедная девочка, и она им верит! Блюз уважаю, но не слушаю, хоть это и чёрная музыка. Во-первых, скучно, а во-вторых белые приватизировали блюз и сделали его своей побрякушкой. Всякие Клептоны, Мейолы и Воэны превратили его в развлечение белых наркоманов. Он утратил свою силу и прониновенность. Джаз? Джаз тоже идёт от чёрных, но он полностью под контролем белых. Да и не понимаю я джаз. Сейчас в чёрное братство можно войти только через рэп. Как Эминем. Ну, или женившись на чёрной.

Одетая Анжела подходит к серванту и достаёт альбом с фотографиями. Вынимает из него одну и протягивает мне.

– Вот он, мой отец. Единственное фото осталось.

Я беру фотографию в руки и вижу улыбающегося чёрного парня в цветастой рубашке.

– Какое телосложение! – восхищённо цокаю я языком. – Настоящий атлет! Не то что белые разложенцы.

– Грязный ниггер, – забирает у меня Анжела фотографию. – Хоть бы деньги присылал. Никогда матери не прощу, что она от него забеременела. Не могла русского найти!

– Твоя мать – мудрая женщина. Она понимала, что будущее за чёрными.

– Ничего она не понимала. Просто девственности хотела лишиться. Вот и переспала с первым попавшимся.

– Белая раса вымирает, это объективная реальность.

– А чёрная погружается в пучину бескультурия и варварства.

– Ложь! – восклицаю я. – Ложь, ложь и ещё раз ложь!!! Чёрная раса только начинает поднимать голову и вырываться из невежества и дикости, в которой её держали белые фашисты. Чёрные доминируют везде. В спорте и музыке они уже зачинатели мод. Сейчас они всё настойчивее пробиваются в те сферы, куда их раньше просто не пускали – в политику и науку.

– Нечего им там делать.

– Я понимаю, – горестно киваю я, – что белые уже хорошенько промыли тебе мозги. Мать настроила тебя против отца, а пропаганда заставила поверить в несуществующие достижения белой культуры. Ничего, ничего, это пройдёт. В один прекрасный день ты почувствуешь в себе зов крови и поймёшь всё величие расы, к которой ты принадлежишь. Чёрные восторжествуют над миром – так предсказывал великий Хайле Селассие, Растафари.

Мы садимся смотреть телевизор. Анжела включает дивидишник.

– Что поставим? – спрашивает она. – Есть новый фильм с Де Ниро.

– В жопу Де Ниро! – отклоняю я предложение. – Поставь «Малькольм Икс».

– Ты смотрел его двадцать раз!

– Я готов смотреть его вечно. Это великий чёрный фильм. Анжела недовольна, но всё же ставит нужный диск.

– Поесть приготовлю, – уходит она на кухню.

Я погружаюсь в просмотр. Из кухни доносятся аппетитные запахи. Анжела жарит мясо. Вскоре она выносит две тарелки со стейками.

– Жареные негры с кетчупом! – объявляет она.

Я лишь тяжело вздыхаю.

– Глупенькая, – говорю я, пережёвывая мясо. – Разве так можно шутить!?

Мои дреды спадают на лицо. Я откидываю их назад. Анжела кладёт мне голову на плечо.

– Твой народ пережил столько боли и унижений, а ты позволяешь себе такие высказывания! – укоряю я её.

Она улыбается.

– Чёрные – это сила! – говорю я. – Это достоинство. Это гордость. Чёрные – это будущее. Через несколько десятков лет человечество заметно утратит свою белизну. А через пару сотен лет белые вообще исчезнут с лица Земли. На ней останутся только чёрные. Ну, и азиаты.

– Какое ужасное будущее! – Анжела всё ещё хочет поддеть меня.

– Надо думать о том, кем будут твои дети. Надо думать об этом сейчас.

– Именно поэтому ты со мной?

– Именно поэтому. А ещё потому, что ты мне очень-очень

нравишься.

Мы целуемся. Желание снова просыпается во мне. Я понимаю, что вполне способен ещё на один раз. Я ужасно рад этому обстоятельству. Так могут только чёрные – несколько раз подряд, безостановочно. Они настоящие самцы. Наверное, я тоже становлюсь чёрным. По крайней мере, в душе.

– Как здорово, что у меня белый парень! – говорит, оторвавшись, Анжела.

Иди на «Астру»

Вообще-то её звали Леной. Нийя – это...

Нийя – это лысая девушка из кинофильма в двух сериях «Через тернии к звёздам» по сценарию Кира Булычёва. Нийю создали на отдалённой умирающей планете из человеческой биомассы. Биомасса варилась в котлах, пузырилась, вздымалась буграми, и пыталась вырваться наружу, вскидываясь над котлами частями человеческих тел. Вот из такого варева возникла Нийя.

Планета умирала, безумный учёный штамповал лысых девушек – средоточение мудрости и естества, а мерзкий карлик по имени Туранчокс – повелитель планеты – монотонно бубнил в громковоритель:

– Иди на «Астру»! Нийя, иди на «Астру»!

И загипнотизированная Нийя шла на «Астру».

«Астра» – корабль добрых землян, которые прилетели спасти умирающую планету. Злой карлик посылал туда Нийю, чтобы уничтожить наших собратьев.

Но добро побеждало.

После просмотра фильма классный руководитель Зоя Михайловна устроила с нами его обсуждение. Мы учились тогда классе в пятом. Она водила нас в кино каждую неделю, и классный час посвящала разбору фильмов. Она была

советской интеллигенткой-киноманкой.

– Нийя – хорошая, – сказал Миша Добродеев. – Она за наших.

– Фильм мне очень понравился, – заверил ребят Саша Агареев. – Я люблю про космические корабли!

– Из бластеров стреляли, – вспоминал содержание Вадим Варламов, – карлик бегал. Ещё раз посмотреть хочется!

– Я ничего не поняла, – честно призналась Таня Федосеева. – Да и страшно очень.

– А я по Булычёву ещё мультипликационный фильм видел, – хвастался я своей эрудицией, – «Тайна третьей планеты». Там тоже нехило.

– И я смотрел! И я смотрела! – кричали мои одноклассники.

Зоя Михайловна радовалась, что доставила нам удовольствие. Она была хорошей женщиной и вроде бы даже любила детей. По крайней мере, сейчас мне вспоминается о ней исключительно приятное. То есть почти ничего.

– Ну, а что сама Нийя думает? – лукаво улыбнулась Зоя Михайловна, глядя на новенькую девочку, которую посадили за парту со мной.

Класс взорвался хохотом. Лена пришла к нам всего неделю назад, пришла практически лысой. По причине какой-то странной болезни её постригли наголо, и лишь робкий ёжик слегка отросших волос украшал в тот момент её черепушку. Впрочем, сама Лена не стеснялась своей лысины и не носи-

ла никаких головных уборов. Все эти дни мы смотрели на неё настороженно, в ней было что-то не то, что-то не наше, что-то не детское, чуждое. Она держалась очень по взрослому, и разговаривала очень умно, и глаза у неё были очень внимательные и пронзительные – под их взглядом становилось неуютно. Мы были дружным классом, но с Леной за эту неделю никому, кроме, пожалуй, меня сдружиться не удалось. Она отпугивала не только своей лысиной.

Класс смеялся, и Зоя Михайловна поняла, что допустила педагогическую ошибку. Разозлившись на себя за то, что обидела в присутствии одноклассников девочку, она замахала на нас руками и закричала:

– Ну-ка тихо все, тихо! Пошутить уж нельзя.

Ничуть не смутившись учительской шутки, Лена-Нийя поднялась с места и начала говорить о фильме.

– Нийя чрезвычайно трагический персонаж, – зазвучал её надтреснутый и какой-то звенящий голос. – Представьте, что вам однажды скажут, что вы не человек, что у вас нет папы и мамы, что вас вылепили из биомассы, что вы всего лишь функция для осуществления чьих-то планов.

– Я теряюсь, ставя себя на её место, – говорила лысая девочка Лена. – Я в полной растерянности. Я одна в целой Вселенной, я оказываюсь в чужом и неизвестном мне мире, я не помню своего прошлого.

– И лишь какой-то пугающий голос, – вздохнула она, преодолев этим вздохом мгновение трагичного молчания, – буб-

нит в твоей голове одну и ту же фразу: «Иди на «Астру»!»
«Иди на «Астру»! «Иди на «Астру»!..

– Иди на «Астру», Нийя! – крикнул Миша Добродеев.
Класс снова взорвался смехом.

С этого дня все стали называть Лену Нийей.

Лишь я продолжал звать её Леной.

– Игорь, – тихо зовёт меня Лена на уроке истории, – ты слушаешь AC/DC?

– Конечно! – киваю я в ответ.

– А Judas Priest?

– Моя любимая группа, – скалю я зубы.

– Приходи ко мне домой, – щурит глаза Лена, – послушаем.

– А где ты живёшь?

Оказывается, что живёт она в соседнем доме.

– А ещё у меня совсем новая группа есть, – продолжает зазывать меня Лена. – Iron Maiden называется.

– Что играют? – я опускаю руку под парту и трогаю Лену за коленку. Глаза её становятся ещё уже, ещё лукавее, мою руку она не убирает.

– Металл! – восклицает она шёпотом. – Классно рубают.

Я поднимаюсь по коленке выше. Лена не останавливает движение руки и даже слегка раздвигает ноги, чтобы мои пальцы могли протиснуться к самой промежности.

– Наверное, – радуюсь я только что придуманной шутке и своему пикантному положению, – на твоей планете все слушают только металл.

Лена хихикает.

– Наверное, – кивает она.

– Иди на «Астру»! – стараясь сдерживать голос в пределах шепотных децибел, рычу я как вокалист металлической группы. – О-о-о е-е-е, иди на «Астру»!

Теплая и доступная промежность – вот она. Я шевелю пальцами и сквозь колготки чувствую сочное, податливое мясо. Прирумяненная Лена равномерно дышит, облизывает губы и безотрывно смотрит на меня. Я обхватываю промежность всей ладонью, движение слишком резкое, предатель-стул скрипит подо мной и заставляет отвлечься учительницу.

– Средний ряд, последняя парта! – зычно восклицает она. – Что у вас там за возня?!

Лена жила в однокомнатной квартире, довольно затхлой и ветхой. В комнате стоял диван, трельяж и старый-престарый платяной шкаф.

Сейчас мне вспоминается, что она ничего не говорила про родителей.

Мы слушали на поцарапанном и обшарпанном катушечнике Iron Maiden и тискались. Я тогда ещё не умел целоваться, а вот Лена, судя по всему, была опытнее. По крайней ме-

ре, старалась казаться таковой. Она открывала рот, высовывала наружу язык и с таким угрожающим видом приближалась ко мне.

Я брезговал её рта, языка и той влаги, что несли они с собой. А потому отворачивался в сторону. Лена досадливо морщилась на меня, но видимо понимала мою глупость и незрелость.

– Дурачок, – бормотала она. – На нашей планете все любят целоваться.

– Чего же ты оттуда улетела? – нашёлся что ответить я. – Целовалась бы да целовалась.

Лена улыбалась. Улыбалась и, обняв меня, прижималась ко мне плотно-плотно.

– Ты умненький, – заглядывала она в мои глаза. – Поэтому и нравишься мне. Может быть, из тебя даже получится какой-то толк. В отличие от остальной биомассы в твоём классе.

Она опускала руку на мои брюки и поглаживала через ткань мою набухшую пиписку. Я отдёргивал её ладонь – мне было неловко, что меня щупает девчонка.

– Нет, всё же ты дурачок, – говорила Лена, отстраняясь. – Хотя нет, не дурачок. Просто маленький ещё.

Бассейн составлял всего десять метров в длину, но зато здесь имелась вышка. С вышки нас раз за разом сгонял какой-то туповатый мужик – работник оздоровительного цен-

тра, который наши школьные шефы, производственное объединение «Оргтехносинтез» (вроде бы так они назывались), разрешали посещать один раз в неделю. Снаружи бассейн представлял собой какое-то аляповато построенное строение, походившее на склад, но внутреннее помещение радовало глаз. Кроме бассейна здесь имелась сауна и бильярдная. В бильярдную нас не пускали, зато был открыт доступ в сауну. Наш класс ходил купаться по четвергам. Вроде бы это было бесплатно.

На вышку мы все же забирались и с отчаянными воплями ныряли в воду. Высота её составляла метра два – вполне прилично. Когда я впервые залез туда, то поразился тому, каким маленьким показался бассейн. Сердечко предательски сжалось от страха. Я все же рискнул шагнуть в эту отдалённую голубенькую субстанцию и, вынырнув через бесконечно долгое мгновение, счастливый, в лихорадочной трясучке, поплыл к бортику. Работник центра тут же выскочил из подсобки и глазами стал отыскивать нарушителя дисциплины. Сделать это в кутерьме из почти тридцати тел было сложно.

– Если кто-то ещё раз заберётся на вышку, – проорал он, – все тут же отправятся по домам.

Класс притих, но лишь на минуту. До тех пор, пока мужик не скрылся из вида.

– Молодец! – услышал я голос Лены. – Решился всё-таки.

Она сидела на скамейке в купальном костюме и резиновой шапочке и с легкой улыбкой смотрела на меня.

– Ничего сложного, – мотнул я головой. – Ты чего не купаешься?

– Я окунулась, – отозвалась Лена. – С меня достаточно.

– Приходить сюда ради того, чтобы один раз окунуться? – недоумённо взирал я на неё. – Одна ты не купаешься.

– Мне и здесь хорошо. На моей планете не любят купаться. Я лучше на тебя полюбуюсь.

Я оттолкнулся от бортика и поплыл к центру водоёма. Вокруг меня плескались и визжали одноклассники.

– Наконец-то эта инопланетянка сифилисная вылезла, – услышал я голос.

Говорил Саша Агареев.

– Точно! – согласился с ним другой, обладателем которого был Вадим Варламов. – Такая противная. Строит из себя чё-то.

– А почему это она сифилисная? – подплыл я к ним.

– Ну а кто ещё? – отозвался Агареев. – Просто так что ли её налысо постригли?

– Она уже не лысая, – защищал я Лену.

– Да какая разница! – поморщился Варламов. – Сука и есть сука. Что не спросишь её, морщится всё время. «Тебе это знать не надо, биомасса!» Овца!

– А ты что её защищаешь? – подозрительно смотрел мне в глаза Агареев. – Подруга что ли твоя?

– Ну правильно, – фыркнул Варламов, – они же за одной партой сидят. Уже подцепил сифилис?

Они дружно заржали.

Я бросил лихорадочный взгляд в сторону Лены. Она смотрела на меня настороженно, словно слышала наш разговор, хотя среди всего шума слышать его вряд ли могла.

– Да ладно, пацаны, чё вы, – пробормотал я. – Нафиг она мне нужна, дура эта.

Раз в месяц, а порой и чаще, Зоя Михайловна устраивала нам чаепития. Все приносили сладости, кто-нибудь – магнитофон, мы заваривали чай и после небольшой чайной церемонии начинали танцевать. Точнее беситься, потому что танцами наши телодвижения назвать было сложно.

– Потанцуем? – подходит ко мне Лена.

– Давай, – робко соглашаюсь я, оглядываясь по сторонам.

Мы обнимаемся и под медленный танец, звучащий из хриплых магнитофонных динамиков начинаем топтаться в центре класса. Танец вдвоём – шаг неординарный и вызывающий. Присвистывая и корча гримасы, одноклассники плятятся на нас.

– Чего не заходишь? – спрашивает меня Лена. – Музыку бы послушали, покувыркались.

Меня пугает её открытость. В ней что-то подозрительное, настораживающее. Я вспоминаю, как мы целовались и от этого воспоминания мне то ли стыдно, то ли страшно. Она готова принять меня всего, всего без остатка, я же даже частично не принимаю её. Что-то сдерживает меня. Может,

нечто, таящееся в глубинах, а может взгляды одноклассников.

– Времени нет, – отвечаю я, стараясь не смотреть ей в глаза.

– А, – понимающе вздергивает носик Лена. – Ты заходи, не стесняйся. Я всегда тебе рада. Ты хороший.

– Игорь с сифилисной танцует... – слышу я доносящийся со всех сторон шёпот. – Тоже сифой стать захотел.

Песня в самом разгаре. Я освобождаюсь от Лениных рук.

– В туалет сгоняю, – говорю я.

Когда я возвращаюсь в класс, Лены уже нет. Толпа пацанов, воспользовавшись отлучкой Зои Михайловны, зажимает на парте Таньку Федосееву. Девочки стоят в противоположном углу и осуждающе-игриво наблюдают за сценой. Танька лежит на парте, её щупают десятки рук, она смеётся, визжит и пытается брыкаться.

Я понимаю, что не должен отставать от коллектива, кидаюсь в толпу и вместе со всеми тяну свои ладони к Танькиному телу.

Борт ванной был самым романтичным местом моего детства. Я открывал в кране воду, если в доме находились родители, не открывал, если их не было, стягивал штаны и теребил свой пенис. После появления в классе Лены, в голову лезла только она.

Я представлял себя могущественным карликом Туран-

чоксом, который содержал в подвалах своей тюрьмы сотни искусственно выведенных девушек. Каждый вечер я вызывал к себе по одной.

– А сегодня – Нийю! – приказывал я слугам.

Они отправлялись в подземелье и вскоре приводили закованную в наручники девушку в разорванном платье. Лицо Нийи рассекали кровоподтёки, она была испугана, она дрожала, она понимала, что её ожидает нечто страшное.

– Ты мечтаешь об «Астре»? – медленно и вдумчиво произнося слова, спрашивал я её.

– Да, мой господин! – отвечала Нийя. – Я каждую минуту мечтаю об «Астре».

– О какой «Астре» ты мечтаешь, потаскуха?

– Я мечтаю о вашей «Астре», мой Туранчокс.

– О моей?!

Я был доволен её ответом.

– Встань на четвереньки, – произносил я.

Нийя вставала.

– Скажи мне, чего ты хочешь? – шептал я ей в ухо и трогал кончиками пальцев проступающую через разорванный балахон кожу.

– Я хочу на «Астру»! – вскрикивала Нийя. – Я хочу на неё!

Я сбрасывал свои карликовые инопланетные штанишки, выпускал наружу член и приподнимал подол её балахона.

– «Астра» готова! – шептал я, приближая член к её бёдрам. – Иди на «Астру», Нийя!

– О-о-о!!! – сладострастно стонала Нийя. – «Астра»!

Движение руки прервалось на самой высокой частоте, я вскочил и направил струйку спермы в раковину.

Почему-то каждый раз в момент извержения я становился сам себе противен.

Урок математики не начинался. Мы сидели по партам, ждали учительницу. Она не появлялась. После пятиминутного ожидания класс посетила восторженная мысль, что урока не будет. Все завертелись, заговорили, радостно зашумели.

– Эй, Нийя! – крикнул Миша Добродеев.

Лена повернулась на голос.

– Иди на «Астру»! – заорал Добродеев и плюнул в Лену через трубку жёванной бумажкой.

Бумажка попала ей в глаз. Лена дёрнулась и закрыла лицо рукой. Бумажка застряла в ресницах, она выковыривала её, морщилась и что-то неслышно шептала.

– Иди на «Астру»! – плюнул в неё с другого ряда Саша Агареев.

Липкая, пропитанная слюнями бумажка повисла на Лениной щеке. Она смахнула её нервным взмахом руки.

– Иди на «Астру», Нийя! – вскочив со своего места и подбежав к Лене вплотную, направил в неё свой жёванный патрон Вадим Варламов.

Бумажные снаряды полетели в неё со всех сторон.

– Иди на «Астру», сифилитичка! – кричали мои одноклассники, выплёвывая на неё вырванные из тетрадей клочки бумаги.

– Иди на «Астру», уродина! – они летели и залепляли ей лицо. Лена уже перестала защищаться от них.

– На «Астру»!!!

Я сидел на своём месте, не поворачивая головы, и делал вид, что читаю учебник по математике. Впрочем, почему делал? Я на самом деле его читал. Я хорошо учился, математика всегда шла у меня на пять.

Больше всего в эти мгновения мне не хотелось встретиться глазами с Леной.

– Биомасса! – глухо выкрикнула она, закинула учебник с тетрадью и пеналом в портфель и выбежала из класса.

Вдогонку ей раздался свист и улюлюканье.

– Беги за женой! – крикнул мне кто-то.

– Иди в жопу, – огрызнулся я.

Какая-то усталость. Быть может, раздражение.

– Привет, – говорит мне Нийя.

– Здравсьте, – отвечаю я.

Лёгкая усмешка. Усмешка ли? Лишь движение уголками губ.

– Как дела? – спрашивает она.

– Зашибись.

– А...

Стоять и ждать реакции. Презрение. Что ещё, кроме презрения?

– Погуляем?

– Не хочется что-то, – морщусь я.

– Да ты не думай, я не в обиде, – она смотрит искренне-искренне. – Правильно делаешь, что не вмешиваешься. А то бы и тебе досталось.

Нарыв лопается. Вот так просто: сначала мутно-белёсый наросст наливается, тяжелеет, зудит, а потом – раз, и всё. Лишь слегка надавить достаточно.

– Что тебе надо?! – взрываюсь я. – Что тебе от меня надо?!

Взгляд. Долгий такой, пронзительный. Непонимающий – ну да.

– Я не знал тебя и знать не желаю! – голос дрожит, вибрирует. Что-то странное в нём.

– Я... – срывается с губ Нийи.

– Отстань от меня, не нужна ты мне! Знать тебя не хочу, неужели не понятно?!

Фон светлый. Всё же светлый. И такая чудная, прелестная пляска пятен. Одно, второе, десятое... Сливаются, словно в калейдоскопе. Кружатся, жгут. Беспокойные.

– Иди на «Астру»! – ору я что есть мочи.

Раз-два-три, раз-два-три. Влево-вправо, вправо-влево. Амплитуда широка и свободна. Можно подниматься до предела и даже чуть выше. Там, за линией, совершенно новые познания.

– Иди на «Астру»! – я хочу, чтобы мой крик заполнил её всю. Я чувствую, что у меня получается это.

Слюна. Мешает слюна. Бурление, во вращении радость и освобождение. Потоки уносятся и хочется вслед. Одно мгновение, один крохотный миг. Влага, наполнение и взмах.

– Иди на «Астру», сука!!! – я выплёвываю скопившуюся во рту слюну Нийе на лицо. Она зажмуривается и замирает.

Мы стоим одни и почему-то вокруг всё белое. Я понимаю, что единственное, что вижу вокруг – это молочно- белая пустота.

– Ты прав, – говорит тихо Нийя. – Надо улетать. Эта планета не для меня.

Раздаётся шум, он нарастает, он врезается в тело, он наполняет его своими фибрами. Большой и блестящий космический корабль возникает из молочной жижи, опускаясь с невидимых небес на невидимую поверхность. Я замечаю надпись на его борту: ASTRA. Шум невыносим, от него готовы лопнуть барабанные перепонки. Я затыкаю уши.

Вдруг всё обрывается. Почти всё. Шум затихает и лишь с лёгким звуком, похожим на выдох, открывается люк корабля. В проёме появляются люди в серебристых костюмах, они приветливы и улыбки, они радостно машут руками.

– Нийя! – кричат они. – Забирайся! Скорее, скорее!

Нийя одаривает меня прощальным взглядом. Я понимаю всё правильно – он такой отстранённый, уносящийся. Прощальный.

– Я хотела предложить тебе полететь со мной на мою счастливую планету, но сейчас понимаю, что ты не заслуживаешь этого. Ты такая же биомасса, как остальные. Впрочем... – готовая уйти, она останавливается. – Ты нравился мне немного, Туранчокс.

Она подбегает к кораблю, и люди в серебристых костюмах помогают ей забраться внутрь. Гул рождается заново, нарастает, корабль срывается с места и уносится в глубины молочной пустоты. Я остаюсь один, хочется закрыть глаза, хочется забыться. Я чувствую облегчение.

Лену больше никто и никогда не видел. Никто даже не вспоминал о ней, словно её не было вовсе.

* * *

Очередная бессонная ночь, их слишком много в последнее время. Я лежу на спине и разглядываю тёмную поверхность потолка. Рядом сопит жена, в соседней комнате ворочаются дети – сын и дочь. Я в очередной раз закрываю глаза и пытаюсь отогнать беспокойные мысли. Мысли не исчезают.

– Забери меня, «Астра»! – шепчу я в темноту.

Короткий рассказ о сексе

– Секса нет, – говорила она, застёгивая лифчик.

Когда-то раньше войти в неё представлялось верхом блаженства. Она ложится на кровать, раздвигает ноги – тыходишь и замираешь. Её глаза закрыты, грудь вздымается и можно кусать соски. Так и делал, но она кричала потом – я норовил прокусить насквозь. Всегда хотелось ощущения – одного единственного, специального – оно приходило, но уже в виде воспоминаний. Каждая секунда, каждый миг – они тут же становились прошлым. А ты в ней... Это тоже из прошлого, я никогда не чувствовал настоящего, находясь в ней. Все те минуты обладания ею, все они – отложения памяти. Она любезно предоставляет их, но иногда с деформациями. Расплывчатые пятна, пересечения линий и грохот со всех сторон. Она всегда за пределами и, даже прикасаясь к ней, касаешься не её, а чего-то другого.

– Секса нет, – говорила она, надевая юбку. – Секс – это иллюзия. Ты наделяешь действо смыслами, одариваешь эмоциями, но оно бессмысленно. В нём отсутствует конечность, трудно отыскать начала, скольжение присутствует постоянно и глаз фиксирует лишь одномерность.

Когда-то раньше она была задастой девкой, которой я весело подмигивал, прижимая к перилам. Она застенчиво потупляла взор, но рук моих не убирала и послушно подни-

малась пролётом выше – в чёрное и затхлое отверстие двери. Послушно расстёгивала пояс, послушно вставала на четвереньки... Когда-то... Когда-то... Мне очень нравится это слово: Когда-то. Она и сейчас такая же – задастая и послушная, но я начертил уже грань. Тонкая линия, кривая и нечёткая – она и зовётся Когда-то. За нею – вспышки и горение, за нею – выпуклость и упругость, за нею – блики и затемнения. После – лишь унылая одномерность. Одномерность. Она права – это одномерность. Одна линия, одна плоскость – стороны отсутствуют и невозможно закинуть голову. Невозможно обозреть горизонты, земля и небо не разделяются больше ими. На поверхности – выступы, за них цепляешься и ползёшь. Давление равномерно, выделений не допускает. Вроде бы темно.

– Секса нет, – говорила она.

И я ей верил.

Красивая история любви с печальным концом

– Красивую историю любви? – переспросил я её. Она лежала на спине, под пуховым одеялом. Бледная-бледная. – Пожалуйста.

И начал:

Женщина, спустившаяся в тот день с гор, была необычайно красива. Старейшины радовались:

– Люди гор выполняют условия мира. Без сомнения, она – то, что нам нужно.

Её поместили в ветхую хижину на краю деревни. Она была полуразрушенной – стены покосились, в потолке зияли дыры. Было лето однако, дожди ожидались не скоро. Да к тому же избранных женщин всегда помещали сюда.

До её смерти оставалось пять дней.

На следующее утро воин, приносивший ей пищу и воду, рискнул заговорить с ней.

– Я видел тебя прошлой осенью, – сказал он. – В долине. Ты несла огромный кувшин – наверное там было вино.

– Да, – улыбнулась она. – Прошлая осень была урожайной, мы наготовили много вина. Ты когда-нибудь пробовал вино, сделанное людьми гор?

– Нет.

– Жаль. Оно сладкое как нектар.

Он почему-то смутился на её слова. Отвёл глаза и поспешил выйти наружу. До смерти её оставалось четыре дня.

– Тогда, прошлой осенью, – сказал он ей на следующий день, – ещё не было перемирия. По закону я должен был убить тебя. Я даже целился в тебя из лука...

Она смотрела на него долго и пристально.

– Спасибо... – ответила потом. – Что не сделал этого...

Голос её был нетвёрд, губы дрожали. Он дотронулся до её лица, она не отстранилась. Они сблизили губы.

Три дня оставалось до её смерти.

– Почему избранной стала именно ты? – спрашивал он её днём позже.

– После чумы, что случилась этой зимой, у нас осталось совсем мало женщин. Меня выбрали потому, что у меня никого нет: ни родителей, ни мужа, ни детей. Я лучше всех подходила для жертвы.

– Это несправедливо, – сказал он.

– Ничего уже не изменишь... Лучше обними меня крепче, мне холодно.

Он обнял её – она дрожала в его объятиях. Не то от холода, не то от страха.

Ведь до её смерти оставалось всего два дня.

– Как сделать, чтобы эта женщина не умерла? – спросил он на следующее утро главу старейшин.

– Она избранная, – ответил тот. – Она должна быть при-

несена в жертву.

– Но она так красива, так...

Старейшина усмехнулся.

– Смирись, – сказал потом. – Любовь многих сводила с ума, но есть нечто, что выше любви. Это закон. Она должна умереть.

Один день, лишь один день оставался до её смерти.

И он прошёл.

За час до церемонии он сказал ей:

– Когда я поведу тебя к жертвенному камню, у нас будет время бежать. Мой конь ждёт меня в роще. Мы отправимся к морю – там нас не найдут.

– Не надо, – ответила она. – Если я не умру сегодня, начнётся новая война. Придут новые болезни – боги не простят этого.

Он уговаривал её пылко и страстно – она была неумолима.

И он повёл её на смерть.

За мгновение до того, как шаман вонзил ей в грудь клинок, она послала прощальный взгляд своему любимому. Взгляд её был добр и кроток, но он обжёг его. Клинок пронзил её сердце, кровь заструилась по рукоятке и – густая, горячая – потекла на песок. Женщина качнулась и упала. Жертва была принесена.

Мёртвое тело сбросили в ущелье. Воин приходил к пропасти каждый день, долго стоял у края, задумчиво смотрел вниз. Смотрел в небо, смотрел на лес. Вокруг было тихо и

умиротворённо. Дул тёплый ветер, пели птицы. Отдаваясь странному наитию, он шептал в пустоту:

– Спи спокойно, любимая...

Птицы замирали в вышине, останавливали биение крыльев и словно прислушивались к загадочным звукам человеческого голоса.

– Спи спокойно, любимая... – шептал он снова.

Ветер обрывался, деревья глушили шум своих крон, травы – дрожь своих стеблей, и лишь три скорбных слова продолжали звучать в мертвенной тишине.

– Спи спокойно, любимая...

– Дурак, – поморщилась она. – Опять с печальным концом.

Я лишь развёл руками.

– Так получается.

– Принеси-ка мне лучше кофе.

Я направился на кухню. Включил кофеварку. Когда кофе был готов, наполнил чашку. Она была совсем маленькой. Я положил туда ложку сахара, а потом подмешал стрихнин. Я совсем не волновался и был даже весел отчего-то.

Она пила кофе, а я смотрел на неё и не мог сдержать улыбки.

– Чего улыбаешься? – вернула она чашку.

Я убрал улыбку с лица. Посмотрел ей в глаза.

– Спи спокойно, любимая, – шепнул ласково.

Моя подруга

– Твоя подруга – блядина, – сказали мне озабоченно пацаны. – Она валяется со всеми подряд, даже с нами. Прими меры.

Я ковырялся спичкой в зубах.

– Я её не брошу, – ответил им.

– Ну смотри, – пожали они плечами. – Наше дело – предупредить.

– Паша, твоя подруга – блядина, – сказали мне озабоченно подруги моей подруги. – Перед всеми ноги раздвигает, даже перед твоими друзьями. Сделай что-нибудь! Ты выглядишь с ней последним долбоёбом.

Я открыл банку пива и сделал глоток.

– Я не собираюсь её бросать, – ответил им.

– Ну и дурак! – поморщились они. – Настоящий парень давно бы научил её уму-разуму.

– Павлик, сынок! – сказали мне озабоченно родители. – А ведь твоя подруга... блядина. Нам одна женщина из соседнего подъезда рассказывала – прямо на скамейке её оприходовали. Трое или четверо.

Я закрылся в туалете и уселся на унитаз.

– Она мне нравится, – крикнул им. – Бросать её не соби-

раюсь.

Родители не теряли надежды образумить меня.

– Павлик, ты же хороший парень. На электрика учишься. Возможно, тебя на завод возьмут. А кто она? Продавщица в комке! Да ещё – блядина.

– Разговор окончен, – сказал я им.

– Павел, долго думали, говорить ли тебе об этом, – сказали мне озабоченно родители моей подруги, – но дело в том, что Наташа – по всей видимости... блядина. Она даёт всем, кто ни попросит. Нам кажется, что у неё триппер.

Я достал из пачки сигарету.

– А мне по фигу, – ответил им. – Блядина – не блядина, зато моя. Всё равно её не брошу.

– Идиот! – крутили они пальцем у виска.

– Подруга – блядина! Подруга – блядина! – кричали мне дети на улице.

Я свернул с дороги. Попытался обойти их стороной.

– Разберись с ней! – кричали дети. – Хули ты как пиздюк последний!

Я закинул в рот жевательную резинку.

– Отстаньте от меня! – отмахнулся от них. – Наташа – моя подруга, и точка.

– Чмо! Мудило! – кидали они в меня камни.

Я не обращал на них внимания.

– Привет, блядина! – сказал я подруге.

– Привет, – ответила она. – Что, уже рассказали?

– Рассказали. Может и ты рассказать хочешь?

Она помолчала, подбирая слова.

– Да ничего особенного не было. Дала на днях двум пацанам, и всё. Просто очень просили! Симпатичные такие, добрые. Прикольные.

– Двум? – я был искренне удивлён.

– Да, всего двум!

У меня отлегло от сердца.

– Хех, а мне тут такое наговорили! Гады злобные.

– Они такие!.. Они обосрут и прощения не попросят.

– Люди, бля... Сколько ж в них злобы!..

– Люди, да! Никого хуже людей нет.

Инцидент был исчерпан.

– Потрахаемся? – предложила Наташа.

– Давай, – согласился я.

Мы потрахались. Наталья – бесподобная трахальщица. У меня, правда, никого, кроме неё не было, но уверен, что с ней никто не сможет сравниться. Да и все пацаны так говорят.

– Ну ладно, пойду, – сказал я, одеваясь.

– Пока, – поцеловала она меня.

– Завтра позвоню. Может, в кино сходим.

– Завтра меня не будет. Пацаны на шашлыки звали.

– А-а... Ну тогда послезавтра.

– Звони.

Мы попрощались.

Хоть как её называйте, думал я, а всё равно она моей будет. И пусть я буду последним гадом, если когда-нибудь предаю свою подругу!

Мясо

Командировка длилась всего сутки. Я приехал в город рано утром, бросил вещи в гостинице и отправился на завод. Время пролетело незаметно – пробежав весь день по кабинетам и цехам, я перевёл дух лишь поздно вечером. Задание по закупкам было выполнено, договор подписан. Я вернулся в гостиницу в двенадцатом часу и у парадного входа снял проститутку.

Она была любительницей – я понял это сразу. Маленькая, хрупкая девушка с распущенными льняными волосами, которая нервно переминалась с ноги на ногу и вертела в руках дешёвый сотовый телефон, делая вид, что ждёт кого-то. Видимо, она появилась здесь всего во второй-третий раз. Возможно, и в первый.

– Сколько? – спросил я, подойдя вплотную и заглядывая в её испуганные голубые глаза.

Она смутилась. Отвернувшись, опустила голову, словно пытаясь оставить за собой последний шанс быть правильной. Шанс, что её приняли за кого-то другого.

Шансов не было. Вскинув глаза, она шёпотом пробормотала:

– Штука.

Я усмехнулся.

– Оборзела что ли? Пятьсот с тебя хватит.

Очередная волна смущения поглотила её. Она сделала шаг назад, стушевалась, сжалась как-то по-детски и вероятно хотела убежать. Убежать от меня, от этой гостиницы, которая привлекла её, потерянную и несчастную, своими тусклыми огнями, от самой себя. Борьба в ней длилась пару секунд.

– Хорошо, пятьсот – тихо произнесла она.

И тут же поспешно добавила:

– За час.

«Моя», – удовлетворённо отметил я про себя.

– Посмотрим, – кивнул я, – час или сколько там. Иди за мной.

Я зашагал к дверям. Девушка послушно засеменила следом.

В лифте я ощупал её. За нами стояли двое мужчин в костюмах, негромко разговаривали. Я потрогал девушку за задницу. Она метнула в меня испуганный взгляд, передёрнулась, а потом, уставившись прямо перед собой на двери лифта, сделала вид, что ничего не происходит. Мужчины замолчали.

Я трогал её через кожаную юбку за ягодицы. Задница была худой и костлявой. Задрал её дешёвую поношенную юбку, я просунул ладонь между ложбинок и пошарил пальцами в промежности. «Мокренькая», – улыбнулся я своим мыслям. Мужчины стояли и смотрели на то, что я делаю.

На седьмом мы вышли.

– Проходи, – открыл я дверь номера.

Девушка прошмыгнула внутрь и в нерешительности оставалась в коридоре.

– Снимай обувь и на кровать, – подтолкнул я её в спину.

Она скинула туфли, прошла в комнату, поставила на пол свою сумочку и застенчиво уселась на краешек заправленной кровати.

– Раздеваться? – спросила она, испуганно хлопая ресницами.

– Не надо, – ответил я. – Я не буду тебя ебать, мне это противно.

Она недоумённо смотрела на меня.

– Мы просто потрогаем друг друга.

Я подошёл к ней, расстегнул ширинку и достал пенис.

– Гладь его.

Она обхватила член ладошкой и принялась неловко мастурбировать.

– Просто гладь! – крикнул я. – Ты не понимаешь по-русски, тупая сука!

– Я понимаю, – дрожащим голосом ответила она. – Просто гладить.

Она стала отчаянно гладить мой член. Я не рассчитывал на эрекцию, но на этот раз она произошла удивительно быстро.

– И яйца, – сказал я.

– Гладить? – вскинула она глаза.

– Да.

Ладощка её нервно заскользила по моей мошонке. Я закрыл глаза и стал считать. Мысли путались, ясность отсутствовала, тысяча далась чрезвычайно тяжело.

– Чёрт! – бормотнул я. – Я весь вымотан. Даже стоять трудно.

– Может, ляжете? – спросила девушка.

– Да, пожалуй.

Я лёг на спину. Полы пиджака разметались по кровати, галстук съехал набок.

– Мне гладить? – спросила она.

Перед глазами плясали пятна. Я размазывал фон в однородную серую массу. Капли. Ромбы. Всегда в движении, всегда подвижны. Полностью не искоренить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.